

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Бюллетень Европейского Суда по правам человека No. 155

Сентябрь 2012

**Джеймс, Уеллс и Ли против Соединенного Королевства -
25119/09, 57715/09 и 57877/09**

[*James, Wells and Lee v. the United Kingdom*]

Постановление от 18.9.2012 [Секция IV]

Статья 5

Лишение свободы

Непредоставление заключенным реабилитационных курсов, необходимых для их освобождения: *нарушение*

Факты: В силу главы 225 Закона об уголовной юстиции 2003 года для обеспечения общественной безопасности были введены так называемые приговоры с неопределенным сроком заключения. Также, как и в случаях с приговорами, предусматривающими пожизненное заключение, этот тип приговоров требовал наличия предписания комиссии об условно-досрочном освобождении для выпуска заключенного на свободу. Минимальный срок лишения свободы, который было необходимо отбыть, прежде чем получить возможность досрочного освобождения, был известен под названием "тариф" и назначался судьей, выносящим приговор. Трое заявителей, осужденные в соответствии с данным законом, жаловались на то, что во время их заключения им не предоставили возможность закончить курсы по инструктажу, которые комиссия посчитала обязательными для их реабилитации. Заявители отбывали срок наказания в местных небольших тюрьмах, и по причине нехватки средств не могли быть переведены в тюрьмы, где предлагались подобные курсы. Это привело к принятию комиссией заключения о том, что заявители все еще представляли опасность для общества и не подлежали освобождению после окончания их "тарифного срока".

Право

Статья 5 § 1: Рассматривая законность "пост-тарифного" заключения заявителей, Суд исследовал следующие вопросы: существовала ли причинно-следственная связь между продолжающимся заключением и первичным приговором; соответствовало ли заключение внутреннему законодательству, и имелись ли признаки произвола в отношении заключения. Что касается причинно-следственной связи, - было ясно, что

заявители были приговорены к бессрочному заключению, так как считалось, по предписанному законом предположению, что они представляли опасность для общества. Таким образом, имелась причинно-следственная связь между осуждением и лишением свободы. Далее, Суд признал, что "пост-тарифное" заключение заявителей было основано их "осуждении" в соответствии с положением статьи 5 § 1 (а) Конвенции и не противоречило национальному законодательству.

При рассмотрении вопроса о произволе важны определенные принципы. Во-первых, заключение будет "произвольным" в случае, если, несмотря на соответствие внутреннему законодательству, со стороны органов власти присутствовал элемент недобросовестности или обмана. Во-вторых, ордер на арест и само задержание должны соответствовать целям ограничений, разрешенных соответствующим положением подпункта "а" первой части статьи 5. В-третьих, должно присутствовать определенное соотношение между основанием для санкционированного лишения свободы и местом и условиями содержания; в-четвертых, данное соотношение должно быть пропорциональным.

Суд далее рассмотрел вопрос о произволе или незаконности заключения в данном деле в целом в свете вышеизложенных аспектов. Он начал с исследования вопроса об отсутствии свободы судебного усмотрения при вынесении приговора. Согласно системе в том виде, в котором она изначально была установлена и принята в законодательном порядке, приговор с неопределенным сроком заключения для обеспечения общественной безопасности был обязателен в случаях наличия потенциального риска. Суд отметил, что ограничение свободы на судебное усмотрение само по себе не делает последующее заключение незаконным. Однако, оно может иметь значение. В подобных ситуациях существует еще большая потребность в обеспечении подлинной взаимосвязи между целью заключения и самим заключением. Далее Суд рассмотрел вопрос предназначения заключения. Очевидно, что главной целью подобных приговоров являлась защита общества. Тем не менее, из материалов по дебатам, сопровождающих процесс написания законопроекта, можно усмотреть, что предполагаемой целью заключения была реабилитация. Данное соображение было в дальнейшем отображено в стратегии Государственного секретаря, опубликованной на тот момент, а также прослеживается в решениях некоторых национальных судов. Также презюмируется, что при внесении законопроекта государства намерены соблюдать свои международные обязательства. В данном деле соответствующие обязательства не оставляли сомнений в том, что важной целью тюремного заключения являлась реабилитация осужденных.

В заключении, Суд отметил недостатки в процессе реабилитации, присутствующие в данном деле. В связи с недоступностью реабилитационных курсов, в течение значительного периода времени заявители не имели возможности сократить степень представляемой ими

опасности, как ее оценила комиссия по условно-досрочному освобождению, что было необходимо для сокращения длительности их "пост-тарифного" заключения. Рассматривая негативное влияние данного факта на заявителей, Суд признал, что рискованно принимать решение об освобождении заключенных в то время, как они все еще представляют значительную опасность для общества. Однако в случае с заявителями подобная угроза не прослеживалась. Оценка опасности, которую они представляли, была произведена, во многом, исходя из предусматриваемого законом предположения, и далеко не ясно, вынесли бы судьи в отношении заявителей приговоры с неопределенным сроком заключения, если бы они обладали свободой усмотрения, ставшей доступной им после внесения изменений в соответствующее законодательство.

Учитывая вышеизложенные соображения, Суд постановил, что в то время, как приговор с неопределенным сроком заключения для обеспечения общественной безопасности допустим в определенных обстоятельствах, в случаях, когда правительство пытается обосновать непрерывное содержание под стражей опираясь лишь на наличие опасности для общества, нужно учитывать необходимость поощрения прохождения реабилитации правонарушителями. В отношении дел заявителей данный вывод означает, что им должны были предоставить возможность принять участие в курсах, нацеленных на оказание им содействия в работе над своим противоправным поведением и опасностью, которую они представляли. В подобных ситуациях, любые ограничения или задержки, вызванные нехваткой ресурсов, должны быть обоснованными всеми обстоятельствами дела, а также должен быть соблюден разумный баланс между необходимостью вовремя предоставить подходящие условия содержания и эффективным распределением государственных средств. Создавая это равновесие, особое внимание необходимо уделить праву заключенного на свободу, учитывая то, что значительные задержки в обеспечении доступа к занятиям могут означать продление срока содержания под стражей. Следовательно, с момента истечения "тарифного" срока заявителей и до момента принятия мер для их перемещений внутри пенитенциарной системы с целью обеспечения доступа к соответствующим реабилитационным курсам, их содержание под стражей было "произвольным", то есть незаконным по смыслу статьи 5 § 1.

Вывод: нарушение (единогласно).

Статья 5 § 4 Второй и третий заявитель утверждали, что, даже если бы им удалось опротестовать их заключение, они не могли бы обеспечить своего освобождения в результате применения положений первичного законодательства. Статья 5 § 4 является в этой связи положением *lex specialis*. Суд заметил, что заявители имели возможность инициировать судебную процедуру для обжалования непредоставления соответствующих курсов. Оба заявителя возбудили подобную процедуру

и были переведены в учреждение, где была предусмотрена возможность посещать курсы, необходимые для их освобождения.

Вывод: нет нарушения (единогласно).

Суд также счел, что вопросы, поставленные заявителями в отношении статьи 5 § 4 об отсутствии курсов были уже исследованы в контексте положений статьи 5 § 1, и что жалоба по данной статье не требовала отдельного рассмотрения.

Статья 41: В качестве возмещения морального вреда Суд постановил выплатить первому заявителю 3,000 евро; второму - 6,200 евро и третьему заявителю - 8,000 евро.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека
Данное краткое изложение подготовлено Секретариатом Суда и не имеет для Суда обязательной силы.

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int